

Российский государственный гуманитарный университет

Институт высших гуманитарных исследований

ФАКТЫ И ЗНАКИ

Исследования по семиотике истории

Выпуск 2

Москва
2010

УДК 81'22
ББК 81я43
Ф 18

Под редакцией
Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского

Художник *Михаил Гуров*

ISBN 978-5-7281-1175-7

© Коллектив авторов, 2010
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

Содержание

Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский
Неканоническое поведение святого
в агиографических источниках

7

А.А. Гиппиус
«Летописные» Паремийные чтения о Борисе и Глебе:
история текста и исторический контекст

42

А.П. Толочко
«Дая им разум хитростью»:
Загадка Василька Романовича о трех камнях

72

В.М. Живов
Между раем и адом: кто и зачем оказывался там
в Московской Руси XVI века

80

Христо Трендафилов
Царь и хроника: Преодоление образца
в поведении Ивана Грозного

111

Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский
Провиденциальные сюжеты истории

123

Б.И. Колоницкий
А.Ф. Керенский как «первый гражданин»

134

А.А. Гунтуц

«Летописные» Паремийные чтения
о Борисе и Глебе:
история текста и исторический контекст*

«Исторические», или «летописные» Паремийные чтения о святых Борисе и Глебе – явление уникальное в русской средневековой книжности. Включение в Паремийник, сборник читаемых за богослужением фрагментов Св. Писания (взятых почти исключительно из Ветхого Завета), рассказа о конкретном событии русской истории находится в разительном противоречии с принципами организации богослужебной литературы и, можно сказать, вопиет об объяснении. Впечатление парадоксальности, производимое этим необычным памятником, усугубляют предпосланные трем составляющим его фрагментам¹ заголовки «От Бытия (чтение)». Отсылая к названию первой книги Ветхого Завета, они, во всяком случае внешне, плохо вяжутся с содержанием паремий – выдержка из книги Бытия имеется лишь во втором фрагменте, и то лишь в качестве отступления от рассказа о новгородских событиях 1015 г.

Правдоподобное объяснение загадочных заголовков предложено Б.А. Успенским². По мнению исследователя, «включение чтений о Борисе и Глебе в состав Паремийника, сопровождавшееся заголовками “От Бытия (чтение)”, может свидетельствовать только об одном – о непосредственном соотнесении (и даже отождествлении) излагаемых здесь событий с повествованием книги Бытия. Рассказ о Борисе и Глебе (т. е. об убийстве Святополком своих братьев) читался во время богослужения вместо рассказа о Каине и Авеле – он воспринимался, видимо, как один и тот же рассказ, как его конкретная реализация; иначе говоря, история Бориса и Глеба воспринималась как библейское повествование в переводе на язык русской истории – на конкретный язык русских реалий»³.

* Работа написана в рамках программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

¹ Начала этих фрагментов: 1. «Братие, в бедах пособиви бываите...»; 2. «Слышав Ярослав...», 3; «Стенам твоим, Вышегороде...».

² *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории Древней Руси. М., 2000. С. 19–21.

³ Там же. С. 22.

В плане собственно литургической концепция Б.А. Успенского опирается на факт замещения в богослужебной практике «летописными» Паремийными чтениями о Борисе и Глебе канонических «библейских» чтений, которые действительно открывались паремией из книги Бытия (Быт. 4, 8–15), повествующей об истории Каина и Авеля («Рече Каин к Авелю брату своему...»)⁴. Это позволяет трактовать заголовок «От Бытия чтение» при первом фрагменте как «унаследованный» от канонического чтения из книги Бытия и задающий перспективу восприятия текста в целом.

Для понимания феномена летописных паремий эта библейская перспектива столь же необходима, сколь и недостаточна. Дело в том, что повествование об убийстве Бориса и Глеба в Паремийных чтениях как таковое отсутствует – их сюжетную основу образует, как известно, рассказ об отмщении Ярослава за убийство братьев, которому в библейской истории Каина и Авеля соответствия нет. Полноценным «аналогом» библейскому повествованию летописные паремии, следовательно, не являются. Если бы их составитель руководствовался идеей «тождественности» библейских событий и событий русской истории, он, вероятно, поступил бы иначе, поместив в центр своего произведения преступление Святополка. Не подлежит сомнению, что прямое соотнесение повествования о Борисе и Глебе с библейским рассказом о Каине и Авеле, о котором пишет Б.А. Успенский, имело место. Однако оно могло скорее послужить оправданием для включения в Паремийник рассказа из русской истории, чем явиться импульсом для составления именно такого текста и введения его в богослужебный канон.

Параллель с архетипическим убийством, совершенным Каином, в той или иной форме присутствует во всех произведениях борисоглебского цикла. Особенно выпукло она выступает в Чтении Нестора, где вводное изложение Священной истории заканчивается непосредственно перед убийством Каином Авеля – несомненно потому, что следующий далее рассказ о преступлении Святополка замещает собой это библейское повествование⁵; тем же непосредственным соотнесением с библейской историей объясняется и отсутствие в Чтении фигуры Ярослава как мстителя за убитых братьев⁶. С таким построением, идеально вписывающимся в концепцию Б.А. Успенского, композиция

⁴ Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории Древней Руси. С. 23.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ На последнее обстоятельство указал А.М. Ранчин в докладе на конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» в октябре 2009 г.

Паремийных чтений резко контрастирует. Разгадку происхождения этого памятника следует поэтому, на наш взгляд, искать иными путями, обращаясь к тому, что определяет его индивидуальность в сравнении с другими памятниками борисоглебского цикла. Понять же, в чем именно заключается эта индивидуальность, можно, лишь уяснив текстологические отношения, связывающие Паремийные чтения с этими памятниками, и в первую очередь с Повестью временных лет, с которой летописные паремии связаны особенно тесно. Именно этот вопрос и является предметом настоящей статьи.

Соотношение летописных Паремийных чтений с соответствующими пассажами Повести временных лет (ПВЛ) дискутируется в научной литературе уже более века, и за это время исследователи успели если не исчерпать, то во всяком случае изрядно истощить круг его теоретически возможных решений. Основу этого круга образуют три элементарных сценария, которые могут быть использованы как в чистом виде, так и в тех или иных комбинациях: 1) летопись является источником Паремийных чтений; 2) Паремийные чтения являются источником летописи; 3) летопись и Паремийные чтения восходят к общему источнику.

Первого сценария придерживались А.А. Дмитриевский⁷, А.И. Соболевский⁸, А.В. Михайлов⁹, считавшие источником паремий ПВЛ в ее известном нам виде. Второй сценарий в сочетании с третьим разрабатывал П.В. Голубовский¹⁰, доказывавший, что в своей «философско-лирической» части летопись находится в полной зависимости от паремий; при этом «фактическую» часть летописного и паремийного текстов исследователь полагал заимствованной из какого-то общего нелетописного источника. Комбинацию первого и второго сценариев (взаимное влияние Паремийных чтений и летописи друг на друга) представляет

⁷ *Дмитриевский А.* Богослужение в русской церкви в XVI в. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств: Историко-археологическое исследование. Казань, 1884. С. 185–186.

⁸ *Соболевский А.И.* «Память и похвала святому Владимиру» и «Сказание о святых Борисе и Глебе» // Христианское чтение. 1890. Ч. 1. № 5–6. С. 787–788.

⁹ *Михайлов А.В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1: Паримейный текст. Варшава, 1912. ХСVIII.

¹⁰ *Голубовский П.* Служба святым Борису и Глебу в Иваницкой минее: 1547–1549 // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 14. Вып. 3. Киев, 1900. С. 141–143.

гипотеза А.А. Шахматова¹¹, рассматривающая проблему *sub specie* истории начального летописания. По Шахматову, Паремийные чтения, составленные на основе Начального свода 1090-х годов, впоследствии сами явились источником созданной в 1110-х годах ПВЛ.

Дальнейшие исследователи так или иначе опирались на выводы предшественников или отталкивались от них, делая акцент на том или ином сценарии. Л.С. Соболева¹² выступила продолжателем линии П.В. Голубовского, настаивая на независимости паремий от летописи и считая источником летописи и «краткой» редакции Паремийных чтений «особую» редакцию памятника, созданную в 1036 г. Н.И. Милютенко в новейшей работе разрабатывает идею общего источника (третий сценарий): предполагается, что текстуальный материал, разделяемый Паремийными чтениями и ПВЛ, почерпнут из созданной в 1040-х годах «Повести о мести Ярослава за убитых братьев»¹³. Поскольку сама «Повесть о мести Ярослава» видится автору как риторически распространенное повествование Древнейшего свода, данная гипотеза соединяет третий сценарий с первым. Особняком стоит высказанная последней точка зрения Н.Н. Невзоровой¹⁴, взявшей на себя смелость предположить, что Паремийные чтения и первоначальный летописный рассказ о Борисе и Глебе были написаны в 30-е годы XI в. одним и тем же автором; перу этого автора исследовательница атрибутирует и восстанавливаемое Д.С. Лихачевым «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси».

Окинув взглядом набросанную выше картину историографии, можно заметить, что исследовательская мысль двигалась, как ей и положено, от простого к сложному – объяснение, выдвинутое первым, является и самым элементарным. Рассказ о противостоянии Ярослава и Святополка столь же органичен в летописном контексте, насколько

¹¹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. [Переизд.: Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. СПб., 2002.]

¹² Соболева Л.С. Исторические паремии Борису и Глебу – малоизученный памятник Киевской Руси. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

¹³ Милютенко Н.И. История сложения Паремийного чтения Борису и Глебу // ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 221–242; *Он же*. Святые князья-мученики: Исследования и тексты. СПб., 2006. С. 121–145.

¹⁴ Невзорова Н.Н. Первоначальный культ Бориса и Глеба: Паремийные чтения и Летописная повесть // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 101–128.

инородным телом он является в составе Паремийника; естественно поэтому думать, что на страницы Паремийника этот рассказ перекочевал со страниц летописи, а не наоборот. Так и считал А.И. Соболевский, распространяя этот вывод на соотношение текстов в целом, включая не только нарративные, но и риторические пассажи. Тот факт, что содержание Начальной летописи далеко не сводится к собственно летописному нарративу, полностью оправдывает такую экстраполяцию.

По отношению к этой исходной позиции схема П.В. Голубовского, видевшего в Паремийных чтениях источник летописи, представляет собой определенное усложнение, поскольку, как уже говорилось, комбинирует данный сценарий с идеей общего источника (характерно, что в чистом виде второй сценарий в историографии нашей проблемы не выступает – его недостаточность для объяснения соотношения текстов слишком очевидна). Также усложнение, но иного свойства, вносит и гипотеза А.А. Шахматова, постулирующая два этапа противонаправленного взаимодействия текстов. Еще большей степенью сложности обладает построение Н.И. Милютенко, в котором «Повесть о мести Ярослава», «отпочковавшись» от Древнейшего свода, чтобы стать источником Паремийных чтений, затем возвращается в лоно летописного процесса, вливаясь в Свод Никона 1073 г.

Усложнение модели, описывающей соотношение текстов, составляет, конечно, законную принадлежность текстологического поиска, но лишь в той мере, в какой диктуется необходимостью объяснения фактов, не вписывающихся в более простую модель; не удовлетворяющие этому условию «излишества» методология традиционной науки отсекает с помощью Оккамовой бритвы. Историография нашей проблемы представляет обширное поле для приложения этого инструмента. Не ставя под сомнение плодотворность конкретных наблюдений наших предшественников – от П.В. Голубовского и А.А. Шахматова до Н.И. Милютенко и Н.Н. Невзоровой, – мы тем не менее находим, что убедительных свидетельств зависимости летописного текста от паремийного или же восхождения их к общему нелетописному источнику до сих пор приведено не было; соответственно, отсутствуют и реальные препятствия к тому, чтобы признать справедливым самое простое решение проблемы: в его сопоставимой с ПВЛ части текст летописных Паремийных чтений о Борисе и Глебе полностью основывается на самой ПВЛ. Мы также постараемся показать, что такой взгляд на вещи, возвращающий обсуждение вопроса к его начальной фазе, позволяет, выявив смысловые акценты, внесенные в текст Паремийных чтений их составителем, указать вероятный исторический контекст создания этого в высшей степени своеобразного памятника.

Ключевым моментом в историографии Паремийных чтений следует признать анализ Шахматовым точки зрения Голубовского, утверждающей зависимость летописного текста от паремийного. Признав несостоятельным целый ряд доводов своего предшественника, Шахматов в результате согласился с тем, что Паремийные чтения, хотя и в значительно меньшем объеме, чем то предполагал Голубовский, все же обнаруживают черты первичности по отношению к тексту ПВЛ и были использованы при ее составлении. Каковы же эти черты и действительно ли они дают основания видеть в Паремийных чтениях источник ПВЛ?

Пройдемся по тексту Паремийных чтений, сопоставляя его с текстом ПВЛ с точки зрения нашей рабочей гипотезы о полной зависимости первого от второго. Сопоставляемый текст начинается со второго зачала: «Слышавъ же Ярославъ...» Рассказ о сборах Ярослава в поход на Святополка Шахматов уверенно считает заимствованным в Паремийные чтения из летописи, отмечая, что 1) рассказ этот «носит характер летописный» и что 2) «мы в этом рассказе обнаруживаем соединение записей киевских и новгородских; следовательно, мы должны думать, что в цельном виде он появился впервые в своде, и притом в своде летописном, ибо в задачу именно летописных сводов входило соединение исторических записей различных местностей»¹⁵. Последний аргумент отсылает не столько к реальности текста, сколько к представлению самого Шахматова о его сводном характере, и вряд ли может быть сочтен убедительным. Между тем в тексте Паремийных чтений имеются куда более яркие свидетельства зависимости его от летописи: в нем наличествуют пассажи, которые в самой летописи представляют собой очевидные вставки. Эти вставки выявляются при сопоставлении с текстом Новгородской первой летописи младшего извода (Н1 мл), первичность которого по отношению к ПВЛ на данном отрезке можно считать доказанной¹⁶.

¹⁵ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 53.

¹⁶ Считая так, мы имеем в виду не только и даже не столько общий тезис А.А. Шахматова об отражении в начальной части Н1 мл Начального свода 1090-х годов, сколько новейшую работу П.В. Лукина (*Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3–20*), специально посвященную отражению новгородских событий 1016 г. начальным летописанием. Убедительным представляется также вывод С.М. Михеева (*Михеев С.М. Отражение Начальной летописи в Новгородской первой летописи младшего*

Первая вставка выделяется в послании Передславы к Ярославу в Новгород: «В ту же ночь приде ему вѣсть от сестры Передѣславы си: от(ь)ць ти умерль, а Святополкъ съдидь ти Киевѣ убивѣ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику»¹⁷ (ср. в Н1 мл: «отець ти умерль, а братья ти избѣна»)»¹⁸. Отсутствующие в НПЛ слова «убивѣ Бориса, а на Глѣба посла» в слегка измененной форме представлены в Паремийных чтениях: «уже бо бѣ Бориса убилъ, а на Глѣба послалъ». Механизм появления вставки в летописи понятен: она прямо соотносится с упоминанием о предупреждении, посланном Глебу Ярославом («В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передѣславы о отни смерти, и посла Ярославъ к Глѣбу глаголя: “Не ходи, отець ти умерль, а брат ти убьенъ от Святополка”»)»¹⁹. Очевидно, мы имеем дело с проявлением одной и той же редактуры, причем в летописи, которой пользовался составитель Паремийных чтений, эта редактура уже была произведена.

Вторая вставка содержит молитву Ярослава и опознается по неловкому повтору в ПВЛ слов «и поиде на Святополка», обрамляющих отсутствующий в Н1 мл фрагмент²⁰. Те же слова дважды повторяются и в Паремийных чтениях, обрамляя типологическое отступление, в котором Ярослав уподобляется Аврааму. Ср.:

НПЛ 6524 (1016)	ПВЛ 6523 (1015)	Парем. чт.
И собра вои 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь. Святополкъ же то слышавъ, и собра бецисла множество вои, изиде	И събра Ярославъ Варягъ тысячу, а прочих вои 40 000 и <u>поиде на Святополка</u> , нарекъ Б(о)га, рекъ: «не я почахъ избивати брат(ь)ю, но онъ, да будетъ отместъникъ Б(о)гъ крове брат(ь)я	И събра Ярославъ Варягъ 6000, а прочих вои 30 тысящъ, <u>поиде на Святопѣлка</u> , въсприимъ Аврамлю доблестъ. Слышавъ бо Авраамъ, яко плѣненъ бысть Лотъ, сыновъць его, и събра люди своя 300 и 18 и поиде до Дана въ слѣдъ ихъ, и постиже я на Ховалѣ, и изби я, и възврати вся коня съдомьскыя и

извода // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 1(31). С. 45–59), согласно которому Н1 мл отражает в статье 1016 г. не Начальный свод, но предшествовавший ему летописный памятник.

¹⁷ Лаврентьевская летопись. 2-е изд. // ПСРЛ. Т. 1. Л. 1926. С. 140–141.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 174.

¹⁹ Лаврентьевская летопись. С. 135–136.

²⁰ Милотенко Н.И. История сложения Паремийного чтения... С. 227; Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 13.

НПЛ 6524 (1016)	ПВЛ 6523 (1015)	Парем. чт.
противу его къ Любцю [НПЛ: 175]	<i>моя, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведною, еда и мнѣ си[ц]е же створить; но суди ми Г(о)с(под)и по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на <u>С(вя)тополъка</u>. Слышавъ Святополкъ идуща Ярослава, пристрои бе-щисла вои...</i> [Лавр., 6523: 141]	<i>Лота Ароновича, шюрина своего, и жену его, и имѣни его, и бѣ Авраму Лотѣ сыновѣцъ и шюринъ, Аврамъ бо бяше пояль братьню дщерь Ароновню Саръру. Тако и си Ярославъ, новии Авраамъ, поиде на <u>Святопѣлка</u>, нарекъ Бога, си рекъ: «Не азъ начахъ избивати братию, нъ онъ; да будеть Богъ и кровь брату моею, зане без вины пролья кровь правдную сию» [Абрамович 1916: 117]</i>

Простейшее объяснение соотношения двух вставок состоит в том, что вторая, «библейская», была внесена составителем паремий в заимствованный из летописи текст, в котором уже имелась вставка с молитвой Ярослава. В справедливости такой трактовки убеждает и то, что молитва Ярослава представлена в летописи полнее, чем в Паремийных чтениях; считать же молитву заимствованной из паремий в летопись никаких оснований нет²¹.

Итак, в обоих случаях составитель Паремийных чтений препарировал уже интерполированный летописный текст, аналогичный читаемому в ПВЛ и отличный от того, который читается в Н1 мл.

Следующий отрезок Паремийных чтений, имеющий соответствие в ПВЛ, включает известие об убийстве Святополком Святослава и продолжающее его обличение Святополка, переходящее в рассуждение о добрых и злых князьях. В трактовке последнего А.А. Шахматов согласился с П.В. Голубовским: «...есть основания признать эту часть па-

²¹ Считая, вслед за Шахматовым, текст статьи 6524 г. Н1 мл отражающим Начальный свод, обе вставки в летописный текст следовало бы отнести к этапу составления ПВЛ. Этому противоречит, однако, следующий факт: сообщение о предупреждении Ярославом Глеба, с которым увязана первая вставка, читается не только в ПВЛ, но и в Н1 мл. Данное противоречие удачно разрешается в рамках уже упоминавшейся гипотезы С.М. Михеева, согласно которой воспроизведение в Н1 мл текста Начального свода обрывается в статье 6523 г. в рассказе об убийстве Глеба; в рассказе же о новгородских событиях 6524 г. отразился не Начальный свод, а предшествовавший ему летописный памятник. В таком случае интерполяцию первоначального летописного рассказа следует считать произведенной составителем Начального свода.

римии источником соответствующего текста летописи»²². Обосновывая такую позицию, Шахматов пишет: «Благочестивые рассуждения о добрых и злых князьях представляются мне заимствованными в летописи из паремии на основании следующих соображений. Летопись, передавая рассказ об убиении Бориса и Глеба, почти не делает отступлений от фактического рассказа; исключение составляет только рассуждение о бесах и ангелах после сообщения об убийстве Бориса; между тем здесь видим значительное отклонение от хода рассказа. Благочестивые рассуждения о добрых и злых князьях в паремии изложены несколько полнее, чем в летописи; так, в паремии после “сяковыя бо Богъ дасть за грехы, а старья и мудрыя отъиметь” читаем: “отъять бо отъ насъ Богъ Владимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха”; трудно предположить, чтобы эта фраза была сочинена составителем паремии позднее тех рассуждений, в которые она вставлена»²³. Соображение о нехарактерности для летописи подобных назидательных отступлений вызывает недоумение: непонятно, чем принципиально отличается данное рассуждение от того же рассуждения о бесах и злых людях и многих других отступлений, которыми перемежается повествование ПВЛ. Что же касается второго наблюдения, то оно, хотя и разделяется большинством авторов²⁴, скорее свидетельствует об обратном – зависимости Паремийных чтений от летописи. Сопоставим тексты:

Лавр. 6623 (1015)	Парем. чт.
<p>Лютѣ бо граду тому, в немъ же князь оунъ (Еккл. 10, 16), любия вино пити съ гусльми (~Ис. 5, 11–12) и съ младыми свѣтники; сяковыя бо Б(ог)ъ дасть за грѣхы, а старья и мудрыя отиметь. Якоже Исаия гл(а)г(о)л(е)тъ: отиметь Г(осподь) от Иер(у)с(а)л(и)ма крѣпкаго исполина, и ч(е)л(о)в(ѣ)ка храбра, и судью, и пр(о)р(о)ка, и смѣрена старца, [и дивна свѣтника, и моудра хитреца, и] разумна [послушника]; поставлю оуношно князя имь, и ругателя обладающа ими (Ис. 3, 1–4).</p>	<p>Лютѣ и граду тому, в немъ же князь унь, любия вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтники. Сяковыя бо Богъ дасть за грѣхы, а старья и мудрыя отъиметь: <i>отъять бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха</i>. Исаия бо глаголетъ: отъиметь Господь от Иерусалима крѣпость и крѣпкаго исполина, и чловѣка храбра, и судию, и пророка, и дивна свѣтника, и смѣрена старца, и моудра хытреца, и разумна послушника; поставлю оуношно князя имь, и ругателя обладающа ими.</p>

²² Голубовский П.В. Указ. соч. С. 125–164.

²³ Там же. С. 228.

²⁴ Милотенко Н.И. История сложения Паремийного чтения... С. 228; Невзорова Н.И. Первоначальный культ Бориса и Глеба... С. 113.

Выделенный пассаж, отсутствующий в ПВЛ, нарушает ход связного рассуждения, тема которого – губительность для общества «юных князей» с их «младыми советниками». Именно эта тема объединяет цитату из Екклезиаста (10: 16) и продолжающий ее парафраз из Исаяи (5: 11–12) с еще одной цитатой из Исаяи (3: 1–4); характерно, что упоминание «младых советников» отсутствует в источнике парафраза и явно введено для согласования со следующей цитатой²⁵. Сравнение Святополка с Антиохом разрывает эти связи: ни Библия, ни хронографическая традиция ничего о «юности» разорителя Иерусалима не говорят, и тема «младых советников» здесь также не звучит. Для ПВЛ, напротив, эта тема очень значима: рассуждение о добрых и злых князьях перекликается с упреками летописца в адрес Всеволода Ярославича, который под конец жизни стал «любити смысл уных, свѣтъ творя с ними», и Святополка Изяславича, предпочитавшего советы своих «несмысленных» дружинников тому, что говорили «смыслении мужи, Янь и прочии»²⁶. Для летописца, лично общавшегося со «старцем» Янем Вышатичем – а им был, по всей вероятности, составитель Начального свода – эта тема была чрезвычайно актуальна, и обличение Святополка давало хороший повод ее развить. Составитель же Паремийных чтений, переписывая рассуждение из летописи, был всецело поглощен фигурой Святополка; ухватившись за упоминание Иерусалима, он поспешил ввести в текст сравнение Святополка с Антиохом, не посчитавшись с тем, что связность изложения оказалась таким образом нарушена. Заметим, что идею этого сопоставления составитель паремий мог заимствовать из летописи, в которой описание бегства Святополка после Альтской битвы было построено по образцу описания бегства Антиоха в Хронике Георгия Амартола²⁷.

В описании битвы на Альте вторичность паремийного текста выдает ряд моментов, отмеченных Шахматовым и Голубовским. Это прежде всего характерный композиционный промах составителя: в Паремийных чтениях битва начинается «без участия» Святополка, о прибытии которого к месту сражения сообщается во фразе, грубо нарушающей ход рассказа: «И се ему рекшу, и поидоша противу сему, и покрыша поле Лтьское обои от множества вои. Бѣ жь пятькъ тъгда,

²⁵ Определение источников см.: *Невзорова Н.И.* Первоначальный культ Бориса и Глеба... С. 451.

²⁶ Лаврентьевская летопись. С. 217–218.

²⁷ *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 67–70.

всходящую солнцу, *приспѣ бо о тѣ чинѣ Святополкъ с пѣченѣгы, и съступишася обои*²⁸. Предположение Н.И. Милютенко о том, что эта деталь может отражать реальную последовательность событий²⁹, нужно отклонить. Подлинная причина данной несообразности указана Шахматовым: открывающая эпизод в Паремийных чтениях фраза «И прииде Ярослав в силѣ велицѣ...» переделана из летописного «Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжцѣ», в результате чего Святополкъ «выпал» из рассказа, и его потребовалось ниже вводить в текст «задним числом».

Столь же недвусмысленно соотношение текстов обнаруживает себя и в молитве, которую произносит Ярослав на поле боя. В летописи он взывает к крови одного брата («Кровь *брата моего* вопеть к тобѣ, владыко! Мести от крове *праведного сего...*»), что естественно, так как на Альте был убит только Борис; в паремии же речь идет уже о двух братьях («кровь брату моею»)³⁰.

Само описание битвы в Паремийных чтениях Голубовский – ввиду большей, сравнительно с ПВЛ, подробности этого описания – считал первоначальным и возводил к особому, отличному от летописи источнику. Данный аргумент убедительно опровергнут Шахматовым, показавшим, что в действительности паремийный текст представляет собой комбинацию описаний двух битв Ярослава: Альтской, со Святополком, в 1019 г. и Лиственской, с Мстиславом, в 1024 г. Параллель с летописной статьей 6532 (1024) г. была отмечена и Голубовским, полагавшим, что соответствующие детали автор статьи 1024 г. почерпнул из Паремийника. Доказывая обратное, Шахматов указал на то, что эти детали (битва ночью, в грозу) органичны именно в летописном контексте и не согласованы с остальным описанием Альтской битвы в Паремийных чтениях. К аргументации Шахматова можно добавить следующее. В то время как логика действий летописца, «экономящего» детали паремийного описания Альтской битвы, чтобы вставить их в еще одно батальное полотно, ускользает от понимания, противоположное поведение (включение в паремийное описание битвы на Альте фрагмента из описания Лиственской битвы) хорошо согласуется с условной композицией паремии, в которой Ярослав, поддержанный новгородцами, бьется со Святополком не при Любече (как в ПВЛ), а на Альте. Таким образом, если на уровне

²⁸ *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916. С. 120.

²⁹ *Милютенко Н.И.* История сложения Паремийного чтения... С. 228.

³⁰ *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 52.

сюжета описанная в Паремийных чтениях битва является, по удачному выражению Т. Вилкул, «Любечско-Альтской», то на уровне самого описания она оказывается «Альтско-Лиственской».

В приводимой ниже таблице текст Паремийных чтений, находящий соответствие в описании Лиственской битвы, набран курсивом; подчеркиванием выделены фрагменты, в основных списках ПВЛ отсутствующие.

ПВЛ-Лавр.	Парем. чт.
<p>6527: ... быс(ть) сѣча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сѣяхуся и ступашася трижды, яко по удолюемъ крови тещи. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а С(вя)тополкъ бѣжа. [Лавр.: 145]</p> <p>6532: и бывши ноши бысть тма, молонья, и громъ, и дождь <...> И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна [Лавр.: 148]</p>	<p>... бысть сѣча зла, яка же не бывала въ Руси. И за руки ся емлюще сѣцаху, и по удолиемъ кровь тьчаше, и съступишася тришьды, и омеркоша <u>биюшеся</u>. <i>И бысть <u>громъ великъ и тутънь</u>, и дѣжсъ <u>великъ</u>, и мѣлния <u>блистание</u>. Егда же <u>облистаху мѣлния</u>, и <u>блистахуся оружия в рукахъ ихъ</u>, и мнози <u>вѣрнии видяху ангелы помагающа Ярославу</u></i>³¹ [Парем. чт.: 120].</p>

³¹ Фраза об ангелах, помогавших Ярославу, читается в описании Альтской битвы в летописях Новгородско-Софийской группы (Новгородской 4-й, Софийской 1-й, Новгородской Карамзинской), где представлен и ряд других чтений, общих с паремиями и отличных от остальных списков ПВЛ; ср. о Святополке: «по смерти мучимъ естъ связанъ *въ днѣ аду*»; о Ярославе: «показавъ победу и труд великъ *по брату своею*» (в основных списках ПВЛ выделенные курсивом слова отсутствуют). Шахматов видел в этом свидетельство использования Паремийных чтений составителем протографа Новгородско-Софийской группы – свода 1448 г. или свода 1423 г. Вполне вероятно, что такое использование действительно имело место. Не следует, однако, сбрасывать со счетов и возможность отражения в Новгородско-Софийской группе летописей более ранней версии летописного текста. Как известно, на рассматриваемом отрезке летописи этой группы содержат ряд известий и деталей изложения, отсутствующих в основных списках ПВЛ [см.: ПВЛ 1996: 474–485]. Степень аутентичности этих чтений и статус их возможного раннего источника являются предметом дискуссий, но если такой источник существовал, совпадающие с паремией чтения в описании Альтской битвы вполне могут восходить к нему. В данной статье мы предпочитаем оставить этот вопрос открытым.

Чтобы включить в свое контаминированное описание фрагменты статьи 1024 г., составителю Паремийных чтений потребовалось соответствующим образом адаптировать описание Альтской битвы, читавшееся в его источнике. Слова «сступишася трижды», которые в летописном описании Альтской битвы читались перед фразой «и по удолиемъ кровь тычаше» (по логике этого описания, кровь лилась по оврагам, потому что схваток было несколько), он поместил после этой фразы, дописав от себя: «и омеркоша биющеся» – получилось, что битва, в ПВЛ закончившаяся «к вечеру», продолжалась и ночью. Кроме того, чтобы соединить два фрагмента с упоминанием молнии, дистантно расположенные в статье 1024 г., составителю пришлось поменять местами «молнию» и «дождь» – в результате «гром» оказался отделен от «молнии», тогда как в исходном описании они соседствуют, образуя устойчивую пару. Характерно также, что, включая в свой текст детали из описания Лиственской битвы, составитель Паремийных чтений оснастил их дополнительными эпитетами: «гром» и «дождь» превратились под его пером в «громъ великъ и тутень» (хотя *тутень* и значит «гром») и «дождь великъ».

С завершающей летописный рассказ о битве фразой: «К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа» составитель Паремийных чтений поступил следующим образом: ее первую часть он, по уже указанной причине, опустил, а вторую, слегка распространив, превратил в самостоятельное предложение: «Святополкъ же, давъ плещи, побѣже». В результате констатация победы Ярослава в Паремийных чтениях как таковая отсутствует; нет в ней и читаемого в ПВЛ пространного описания бегства и гибели Святополка. За только что процитированной фразой без всякого перехода следует уже неоднократно комментировавшаяся сокращенная цитата из Хроники Георгия Амартола, практически в том же виде представленная и в ПВЛ: «Егоже по правдѣ, яко неправдѣна, суду пришьдошу и по отшѣтсвию его, прияша муки оканьнаго, показавъше явѣ, посланая нань пагубная рана въ смърть не милостиво въгна»³². Маловразумительная уже в славянском переводе Амартола, в Паремийных чтениях фраза производит к тому же впечатление вырванной из контекста. Смысловая структура соответствующего пассажа в ПВЛ, какой она вырисовывается в свете новейших исследований, полностью это впечатление подтверждает.

³² *Абрамович Д.И.* Указ соч. С. 121; ср.: Лаврентьевская летопись. С. 145.

Как установил И.Н. Данилевский³³, описание бегства Святополка после Альтской битвы построено по образцу рассказа о бегстве из Персии Антиоха IV Епифана. Рассказ этот читается в 1-й книге Маккавейской и, с некоторыми сокращениями, в Хронике Георгия Амартола. По мнению Данилевского, источником ПВЛ послужил именно библейский текст, а не его изложение у Амартола, в котором отсутствует ряд деталей, отразившихся в летописном рассказе, в частности упоминание о носилках, на которых несли разбитого параличом Антиоха. Между тем, как показала Н.Н. Невзорова³⁴, описание кончины Антиоха в Хронике, безусловно, было использовано летописцем, заимствовавшим из него слова о посмертном мучении Святополка (ср. в летописи: «и по смерти *вечно мучим есть*»; в Хронике: «и тамо паче *вечно мучим есть...*»). В ПВЛ это описание контаминировано с описанием бесславной кончины Ирода Великого, к которому восходит приведенная выше цитата («Его же по правде, яко неправедна...») и упоминание о смраде, исходящем от могилы Святополка. Летописный эпизод, таким образом, буквально «прошит» библейско-хронографическими аллюзиями. В Паремийных чтениях от этой сложной структуры остались лишь жалкие фрагменты, восходящие, что показательное, к обоим эпизодам Хроники, использованным в летописи. Допущение обратной зависимости – летописи от паремий – потребовало бы предположить, что летописец, точно определив источник обеих цитат, заново обратился к двум контекстам, выстроив на их основе собственное, более подробное изложение истории гибели Святополка. Искусственность такого объяснения очевидна, и прибегать к нему необходимости нет.

У Амартола фраза о посмертных мучениях Антиоха завершает рассказ о его правлении; включает описание гибели Святополка и ее летописная реплика. Далее в летописи говорится о смраде, исходящем от могилы Святополка, – в назидание русским князьям, которые захотели бы в будущем повторить злодеяние своего сородича. Отношение между Святополком и его потенциальными последователями уподобляется летописцем отношению между Каином, совершившим первое убийство, не зная об ожидающем его наказании, и Ламехом, уже знающим о судьбе Каина. В Паремийных чтениях этот фрагмент выглядит существенно иначе. Ср.:

³³ Данилевский И.Н. Указ соч. С. 304–305.

³⁴ Невзорова Н.Н. Указ. соч. С. 114–115.

ПВЛ 6527	Парем. чт.
<p>...и по см(е)рти вѣчно мучимъ естъ свя- занъ. <i>Есть же могыла его в пустыни и до сего дне, исходить же от нея смрадъ золь. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскимъ, да аще сии еще сще же створять, се слышавше, ту же казнь примуть, но и больши сее, понеже, вѣдая се, створять такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70. Понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщеня прияти от бога, а Ламехъ вѣдый казнь, бывшую на прародителю его, створи убийство [Лавр.: 145]</i></p>	<p>...И по смерти вѣчно [мучимъ] есть, связанъ естъ въ дно аду, понеже вѣдая и братоубиство ство- ри. 7 бо мьстии [прिया] Каинъ, убивъ Авеля, а Ламѣхъ – 70, понеже Каинъ, не вѣдый мьщеня [прिया от Бога], а Ламѣхъ, вѣдый казнь, бывшую на прародители своемъ, уби- ство створи. <i>А Святополкъ вѣдая створи, и обою гории бысть мука</i> [Паремийные чте- ния: 121]</p>

Устранив упоминание русских князей, составитель Паремийных чтений заменил его фразой «понеже вѣдая и братоубиство створи», относящейся к Святополку и вводящей новый синтаксический период; финальный аккорд, каким в летописи (как и у Амартола) звучит фраза о вечных муках Святополка (Антиоха), оказался сорван. Неорганичность паремийного текста выдает отсутствие объекта при причастии «вѣдая»: что именно «ведал» Святополк, поначалу непонятно. Из дальнейшего следует, что он знал о наказании, постигшем первого убийцу, Каина; Святополк, таким образом, сопоставляется с Ламехом (хотя чуть выше в тексте он сопоставлялся с Каином), но здесь же выясняется, что наказание Святополка страшней и Каинова, и Ламехова. По сравнению со строгой пропорцией, выстроенной в летописи, это довольно путаная типология. Нужно полностью согласиться с Шахматовым, считавшим ее вторичной, а весь фрагмент – заимствованным (с переделками) из летописи в паремию.

Иначе Шахматов трактует следующий пассаж, в котором Святополк сравнивается с Авимелехом. В Паремийных чтениях он представлен, казалось бы, более полно. Ср:

ПВЛ 6527	Парем. чт.
<p>Ламехъ уби два брата Ено- хова и поя собѣ женѣ ею. Се же Святопѣлкъ новый</p>	<p>Ламѣхъ уби два брата Енохова и поять собѣ женѣ ею. Съи же Святопѣлкъ новый Ламехъ бысть, иже ся убо родиль бѣ отъ</p>

ПВЛ 6527	Парем. чт.
Авимелех ³⁵ , иже ся бѣ родиль отъ прѣлюбодѣяня, иже изби братью свою сыны Гедеон(ов)ы, тако и съ бысть [Лавр.: 145–146]	прѣлюбодѣяния – <i>отъ чьрнори(зи)цѣ</i> , иже изби братью свою сыны Гѣдеоновы, <i>послѣди же жена самого уломкомъ жьрнова уби с города</i> . Тако же и съ Святопѣлкѣ [ПЧ: 121]

Отсутствующую в летописи фразу Шахматов, вслед за Голубовским, считал первоначальной: «...при ином понимании сравнение Святополка с Авимелехом потеряет значение; важно было указать на то, что как Авимелеха за братоубийство постигла кара на земле, так за братоубийство был покаран и Святополк»³⁶. Позволим себе с этим не согласиться: в сравнении Святополка с Авимелехом важен не столько факт наказания, сколько характер преступления (братоубийство), а также факт незаконного рождения убийцы. Кара же, постигшая Авимелеха, настолько не имеет ничего общего с гибелью Святополка, что упоминание ее в Паремийных чтениях выглядит абсолютно неуместным, а в сочетании с последующим «такое же и съ Святополкѣ» – почти комичным. Между тем в том виде, в каком сравнение Святополка с Авимелехом читается в летописи, оно находит себе прямую параллель в сравнении Владимира с Константином, полностью совпадая с ним в синтаксической структуре. Ср.:

6527: Се же С(вя)тополкѣ новыи Авимелехѣ, иже ся бѣ родиль от прелюбодѣяня, иже изби брат(ь)ю свою с(ы)ны Гедеоны, тако и съ быс(ть) [Лавр.: 146].

6523: Се есть новыи Костянтинѣ великого Рима иже кр(е)стивься сам и люди своя, тако и съ створи подобно ему [Лавр.: 130–131].

Свидетельством первоначальности паремийной версии данного фрагмента Шахматов считал также «самый прием, которым он введен

³⁵ Имя Авимелеха читается, помимо Лаврентьевского, также в Хлебниковском списке; в Ипатьевском, Радзивилловском и Московско-Академическом списках ему соответствует ошибочное *Ламехѣ*. Судя по разночтениям, приводимым Д.И. Абрамовичем, эта ошибка присутствовала и в оригинале Паремийных чтений. В последних, впрочем, она отвечает логике предшествующего (но не последующего!) текста. Возможно, замена имени была произведена уже в оригинале ПВЛ (исказившем, таким образом, текст Начального свода), откуда перекочевала в Паремийные чтения.

³⁶ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 56.

в текст; слова “Се Ламехъ уби два брата Енохова” и т. д., содержащие пояснение предшествующего, напоминают приведенное выше составителем паремии объяснение сравнения Ярослава с Авраамом; после слов “и възврати вся коня Съдомьскыя и Лота Ароновича шюрина своего и жену его и имение его” читаем: “и бѣ Лоть Аврамоу сыновѣць и шюринь, Аврамъ бо бяше пояль братьню дощерь Ароновну Саръроу”; в сравнении Авраама и Ярослава последний назван “новым” Авраамом; в рассмотренном отрывке составитель паремии называет Святополка “новым” Авимилехом»³⁷. Однако, как мы только что видели, еще более близкую параллель такое именование находит в летописи. Важно и другое: цитируемый Шахматовым пассаж, поясняющий родственные отношения Лота и Авраама, является дословной цитатой из «Речи философа»³⁸, тогда как сопоставляемая с ним фраза о Ламехе – свободным пересказом Амартола; наконец, если информация о Ламехе составляет необходимое звено рассуждения, уподобляющего Святополка не ему, а Авимелеху, то пояснение родственных связей Лота оказывается совершенно излишним экскурсом, уводящим изложение в сторону. Сходство двух пассажей, таким образом, поверхностно и не может свидетельствовать об общем происхождении.

Итак, завершив сопоставление текстов летописи и Паремийных чтений, мы не видим решительно ничего, что противоречило бы простейшей схеме их соотношения, согласно которой паремии в той мере, в какой они соотносятся с летописью, полностью от нее зависят. Допущение обратного влияния Паремийных чтений на летопись столь же излишне, как и предположение об общем источнике – будь то гипотетическая «Повесть о мести Ярослава» или что-то другое. Отсутствует и текстологическая необходимость предполагать использование составителем паремий летописного свода более древнего, чем ПВЛ.

Такое понимание соотношения текстов позволяет видеть в Паремийных чтениях о Борисе и Глебе сочинение, основанное на двух главных источниках: Повести временных лет и Паремийнике, к которому восходит большинство ветхо- и новозаветных цитат, ис-

³⁷ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 56–57.

³⁸ Н.И. Милютенко допускает, что «Паремийный фрагмент может происходить непосредственно из хронографического источника этого сочинения». Признание прямой зависимости Паремийных чтений от летописи делает такое допущение излишним: ничто не мешает считать источником данного пассажа «Речь философа» в составе ПВЛ (см.: Милютенко Н.И. История сложения Паремийного чтения... С. 124; Невзорова Н.Н. Указ. соч. С. 450).

пользованных составителем. Из источников паремий, выявленных Н.Н. Невзоровой, на долю текста, не выводимого из ПВЛ (включая, разумеется, и «Речь философа»), приходится, помимо взятых из Паремийника, лишь несколько цитат: из Пчелы (I.5: «Мечь бо Божий острится на нь»), Апостола (II.4: «Не туне бо мечь носить...») (Рим. 13:4)) и Псалтыри (III.1: «Се не вздремлетъ, ни уснетъ храняи Израиля» (120: 4)). В одном случае (пассаж о гибели Авимелеха) необходимо предполагать также самостоятельное знакомство с Хроникой Георгия Амартола. Все остальные источники являются таковыми по отношению к ПВЛ и отразились в Паремийных чтениях при ее посредстве.

Составитель Паремийных чтений обходился со своими источниками с большой свободой, особенно удивительной в его отношении к библейскому тексту, который нередко выступает в памятнике в сильно переиначенном и откровенно искаженном виде. Н.Н. Невзорова видит в этом особенность «работы автора с цитатой: она может меняться, не переставая быть узнаваемой»³⁹. Это объяснение, отчасти справедливое, вместе с тем несет на себе отпечаток сильно завышенного, на наш взгляд, представления о литературных достоинствах Паремийных чтений. Между тем отдельные пассажи паремий (в том числе и проанализированные самой Н.Н. Невзоровой) со всей определенностью говорят о том, что составитель, во-первых, не всегда хорошо понимал смысл использованных библейских фрагментов и, во-вторых, недостаточно заботился о смысловой и грамматической связности собственного текста.

Ярким образцом литературной техники составителя Паремийных чтений может служить завершающая вторую паремию похвала Борису и Глебу, основанная на тексте Апостола. Ср.:

<p>Съ страхомъ жития вашего время жительствоете, вѣдяще яко не истлѣннымъ сребромъ или златомъ избавистеся отъ суетнаго вашего жития отцы преданнаго, но честною кровию яко агнца непорочна и нескверна Христа [Остр. Библия, 1 Петр. 1: 15–19].</p>	<p>Въ страсъ Божии пожиста лѣта своя, вѣдуще, яко не тлѣннымъ златомъ и срѣбромъ избавлена быста отъ суетнаго жития сего, брагьмъ своимъ прѣдана на убиство, нь драгою кровию, яко агнца непорочна и прѣчиста, приведостася своему владыщѣ [Абрамович 1916: 118].</p>
--	---

Формы родительного падежа единственного числа, согласованные в источнике с разными существительными («от суетного жития вашего, отцы предана») и «яко агнца непорочна и пречиста Христа»),

³⁹ Невзорова Н.Н. Указ. соч. С. 431.

автор Паремийных чтений использовал как номинатив двойственного числа, отнеся их к Борису и Глебу. Получившаяся фраза имеет в виду уже не искупительную жертву Христа, но жертвенную кончину князей-страстотерпцев. Н.Н. Невзорова видит в этом отражение одной из центральных в борисоглебском цикле идеи подражания Христу⁴⁰. Однако форму, в которую облечена эта мысль в ПЧ, нужно признать крайне неадекватной. (В буквальном переводе фраза будет иметь вид: «В страхе Божьем прожили вы свои годы, зная (!), что не тленным золотом и серебром были (!) вы избавлены от суетной этой жизни, преданные на убийство братом, но драгоценной кровью, как два агнца непорочных и пречистых, приведены были к своему Владыке».) Создается впечатление, что, начиная переделывать апостольскую цитату, составитель паремий не вполне ясно сознавал, что именно он хочет получить в итоге.

Связность текста нарушается в Паремийных чтениях постоянно – как на уровне отдельных фраз, так и в плане композиции. Исследователями памятника уже неоднократно отмечалась резкость переходов между отдельными его частями и внутри них. Так, в первом чтении в поток библейских цитат неожиданно вклинивается обращение к не названному по имени Святополку: «О, лють души твоей! понеже съвѣтъ зль съвѣща на правьдиву своєю брату, рекъ тако: “избию братию свою и буду единъ властель в Руси”»⁴¹. В начале второго чтения автор, комбинируя летописные фразы, породил стилистически абсолютно неудобоваримый пассаж: «Слышавъ Ярославъ, яко отць ему умрѣ, а Святопѣлкъ седѣ Киевѣ, избивая братию свою (уже бо бѣ Бориса убиль, а на Глѣба послалъ), и печалень бывъ велми о отци и о брате (уби бо Бориса на Лтѣ, а Глѣба на Дьнѣпри, обѣ сю страну Смольньска); съжаливъ же си велми, и съзва Новгородци и рече им: “Отець мои умърль, а Святопѣлкъ сѣдитъ Киевѣ, избивая братию свою”»⁴². Основная нить рассказа здесь дважды перебивается пояснениями, которые к тому же противоречат друг другу: Глеб, о котором сказано, что Святополк только послал к нему убийц, двумя строками ниже оказывается уже убитым. Хромает и синтаксис: составитель никак не может выбраться из ряда причастных сказуемых (*слышавъ, бывъ, съжаливъ*...); ср. между тем сбалансированное распределение причастий и личных глагольных форм в соответствующем фрагменте ПВЛ.

⁴⁰ Невзорова Н.Н. Указ. соч. С. 434.

⁴¹ Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916. С. 116.

⁴² Там же. С. 116–117.

Сравнив Ярослава с Авраамом, освободившим из плена своего племянника Лота, составитель Паремийных чтений зачем-то вставил в текст указание на то, что Лот был еще и шурином Авраама, а также пассаж из «Речи философа», на основе которого было сделано это совершенно излишнее добавление. При этом он явно не подумал, как после фразы «Аврам бо бяше пояль братню дочьь Ароновню Саръру» будут смотреться слова «Тако же и съ Ярославъ, новьи Аврамъ...». В третьем чтении он еще раз «наступил на те же грабли», вставив перед словами «Тако же и съ Святополкъ» фразу о женщине, убившей Авимелеха обломком жернова, не имеющей к Святополку ни малейшего отношения.

Другие композиционные сбои, возникшие вследствие манипуляций составителя паремии с летописным текстом, уже упоминались выше. Это и нарушившая логику текста вставка сравнения Святополка с Антиохом, и эффект «опоздания» Святополка к началу Альтской битвы, и выхваченная из контекста цитата из Амартола, и малоудачная переделка пассажа о Каине и Ламехе, и многое другое.

Все сказанное не позволяет нам согласиться с Н.Н. Невзоровой⁴³, видящей в Паремийных чтениях о Борисе и Глебе выдающийся памятник, стоящий у истоков древнекиевской литературной традиции, демонстрирующий «монументальную целостность» замысла и продуманную до мелочей, близкую к идеальной композицию. Намного более справедливой представляется оценка нашего памятника, данная Н.И. Милютенко: «Окончательный текст “Исторических” Паремий представляет собой мозаичное соединение разнородных элементов, где присутствуют и повторы, и нарушения логики изложения»⁴⁴. Литературное несовершенство Паремийных чтений, на наш взгляд, столь же очевидно, как и их литературная уникальность, и может до некоторой степени быть ею и обусловлено, т. е. быть следствием сложности задачи, которую приходилось решать книжнику, пожелавшему составить литургическое чтение на базе летописного текста.

Кому, когда и зачем потребовался этот уникальный эксперимент, не вызванный литургической необходимостью и не получивший никакого продолжения в богослужебной практике Древней Руси? В попытке ответить на этот вопрос мы, как и наши предшественники, можем опираться только на содержание Паремийных чтений, примеряя его к историческим обстоятельствам и моментам, которые могли бы объяснить то специфическое преломление, какое борисоглебская тема получила в нашем памятнике.

⁴³ Невзорова Н.Н. Указ. соч.

⁴⁴ Милютенко Н.И. Указ. соч. С. 216.

Исследователями неоднократно отмечалось то парадоксальное обстоятельство, что главной темой Паремийных чтений является не мученичество Бориса и Глеба, а отмщение Ярослава за смерть убитых братьев. Из летописного повествования о событиях 1015–1019 гг. составителем паремий в качестве фабульной основы были отобраны два эпизода: сборы Ярослава в поход на Святополка и его победа над Святополком в Альтской битве. Такая сфокусированность на фигуре Ярослава нередко рассматривается как свидетельство создания текста – самих Паремийных чтений или же их гипотетического источника – в поздний период княжения Ярослава Мудрого, когда борисоглебский культ, возникший из стихийного почитания останков убитых братьев, только начинал складываться, а официальная память об усобице сыновей Владимира делала акцент на воинских победах Ярослава. Наиболее подробное обоснование этого представления принадлежит Н.И. Милютенко. Исследовательница разделяет гипотезу Шахматова, согласно которой 24 июля первоначально отмечалось не как день убийства Бориса (который был неизвестен), а как годовщина Альтской битвы: по летописи, битва произошла «в пятницу», а 24 июля 1019 г. было именно пятницей).

По мысли Милютенко, «Повесть о мести Ярослава» появилась в 1040-х годах, «по сути она была соответствующим образом отредактированным и украшенным рассказом Древнейшего свода. <...> Вероятно, отрывки из Повести о мести Ярослава читались на торжественной литургии в день победы 24 июля, и конечно, это были части, посвященные борьбе с братоубийцей, а не гибели Бориса и Глеба»⁴⁵. Сами же Паремийные чтения исследовательница считает возникшими на основе «Повести» вскоре после 1072 г. «Не порывая с устоявшимся обычаем под 24 июля произносить чтение о мести Ярослава за убитых братьев, а не об их подвиге, неизвестный книжник создал текст на основе Повести о мести Ярослава, летописи и Паремийника»⁴⁶.

Эта конструкция представляется нам вполне умозрительной как в текстологическом, так и в историческом отношении. Текстологически, как было показано выше, реконструировать столь сложные отношения между памятниками⁴⁷ оснований нет. Что же до исторической

⁴⁵ Милютенко Н.И. Указ. соч. С. 243–244.

⁴⁶ Там же. С. 245.

⁴⁷ Заметим, что в схеме Милютенко присутствуют, помимо реконструируемых Шахматовым летописных сводов, не один, а два гипотетических текста: сама «Повесть о мести Ярослава» и отрывки из нее, которые и были использованы составителем Паремийных чтений.

стороны дела, то крайняя уязвимость шахматовского построения, на которое опирается Милютенко, уже неоднократно отмечалась в литературе⁴⁸. Из того, что Альтская битва происходила в пятницу, совсем не следует, что это было 24 июля. Вероятность простого совпадения здесь отнюдь не мала; если же учесть символическое значение выбора пятницы как дня отмщения Ярослава за кровь убитых братьев, то значение этого совпадения и вовсе сводится к нулю. Реальные же свидетельства того, что годовщины Альтской битвы как-то отмечались при Ярославе, отсутствуют.

Казалось бы, еще меньше оснований специально выделять эпизод Альтской битвы и делать его кульминацией своего произведения мог иметь автор, работавший в конце XI – начале XII в., когда эпоха Ярослава отошла в прошлое. На наш взгляд, такие основания все же имелись; но прежде чем указать на них, задержимся на первом нарративном эпизоде Паремийных чтений, значение которого для датировки текста кажется никак не менее важным. Действительно, одна из главных идей, отличающих Паремийные чтения от их источников, – уподобление Ярослава Аврааму – формулируется именно в рассказе о новгородских сборах Ярослава. С сюжетной точки зрения сравнение Ярослава с Авраамом далеко не очевидно; во всяком случае, оно сильно проигрывает в убедительности сравнению Святополка с Каином или Авимелехом. Мстящий за убитых братьев Ярослав и освобождающий племянника Авраам сами по себе имеют не слишком много общего. В основе сравнения лежит не столько сходство фигур, сколько сходство ситуаций: вместе с Авраамом выступают его 318 родичей, а вместе с Ярославом – новгородцы. Можно сказать, что уподоблением Аврааму Ярослав «обязан» в тексте Паремийных чтений именно новгородцам. Готовность новгородцев, преодолев обиду, поддержать Ярослава в борьбе со Святополком составитель паремий трактует как следование апостольской заповеди: «Но помянуша апостольское слово: “Братия, Бога боитесь, а князя чтете, Господеви бо слуга есть, не туне бо носить меч, въ месть злодеям, въ хвалу же добродеем”» (1 Петр 2: 14, 17). Эта комбинация новозаветных цитат заключает в себе квинтэссенцию средневековой вассальной этики; примененная к новгородцам, она представляет их верными подданными своего князя. На долю новгородцев приходится, таким образом, один из главных акцентов, внесенных составителем нашего текста в его летописный источник, и этот акцент необходимо учитывать, подыскивая для Паремийных чтений подходящий исторический контекст.

⁴⁸ См., например: *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 100–101.

Этот контекст, как следует из сказанного, должен удовлетворять двум условиям: с одной стороны, он должен был каким-то образом актуализировать память о победе Ярослава над Святополком в Альтской битве, а с другой – содержать «новгородскую составляющую», делавшую актуальным рассказ о поддержке, оказанной новгородцами Ярославу в его борьбе за киевский стол.

В русской истории первых десятилетий XII в. мы можем указать момент, в равной степени удовлетворяющий этим условиям: он приходится на 1118–1119 гг. Поясним свою мысль. Во-первых, в 1119 г. исполнилось сто лет со дня Альтской битвы. Данное обстоятельство вряд ли заслуживало бы упоминания, если бы второе перенесение мощей Бориса и Глеба в 1115 г. не пришлось на столетнюю годовщину их гибели. «Юбилейная» подописка этого акта предполагалась неоднократно и кажется вполне вероятной в свете типологических параллелей и данных, свидетельствующих об актуальности подобных циклов для церковно-исторического сознания Древней Руси⁴⁹.

По-видимому, столетие отмщения Ярослава за убитых братьев также не прошло незамеченным. Вскоре после перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь в Вышгороде, ктиторм которой был Давыд Святославич, Владимир Мономах озаботился возведением собственного храма, посвященного памяти мучеников. Этим храмом стала церковь на Альте, особую привязанность Мономаха к которой летопись подчеркивает в сообщении о его смерти в 1125 г. («преставися на Лтъ у милое ц(е)ркве, юже созда потщаньем многым»⁵⁰). По совпадающим свидетельствам Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, каменный храм на Альте был заложен Мономахом в 6625 (1117) г.⁵¹ Между тем при ближайшем рассмотрении согласованность этих известий оказывается мнимой. В обеих летописях закладка церкви отнесена к тому же году, что и перевод Владимиром Мстислава из Новгорода на юг, в Белгород. Однако в Ипатьевской летописи известие о закладке Мономахом церкви на Альте объединено с сообщением о выведении из Минска Глеба Всеславича («Того же лѣта въведе Глѣба из мѣньска. Володимеръ . и цркъвь заложил на Лѣтъ мученику»); при этом известие о лишении Глеба минского стола читается далее еще раз в статье 6627 г., под которым оно помещено и в

⁴⁹ См.: *Гиппиус А.А. Millennialism and the Jubilee Tradition in the Old Russian History and Historiography // Ruthenica. V. 2. Kiev, 2003. P. 61–71.*

⁵⁰ Лаврентьевская летопись. С. 295.

⁵¹ Там же. С. 291; Ипатьевская летопись. 2-е изд. // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. С. 285.

Лаврентьевской летописи. В работе о редакциях ПВЛ⁵² мы объяснили этот странный порядок следования известий тем, что запись о закладке церкви на Альте и выведении Глеба из Минска была первоначально сделана как приписка к тексту летописного свода, заканчивавшегося статьей 6625 г. Датировка этих известий в Ипатьевской летописи (как и в Лаврентьевской, частично использующей в этих статьях тот же источник) оказывается условной, и если оба события действительно произошли в один год, то год этот устанавливается по «правильной» дате выведения Глеба из Минска, а это – 1119 г. В таком случае закладка Мономахом «Летской божницы» приходится на столетнюю годовщину битвы на Альте, обнаруживая такую же «юбилейную» подоплеку, как и борисоглебские торжества 1115 г.

Как акцию, скоординированную со строительством церкви на Альте, следует, на наш взгляд, рассматривать и другое важнейшее событие 1119 г.: в этом году в Новгороде князем Всеволодом Мстиславичем и игуменом Кириаком закладывается Георгиевский собор Юрьева монастыря⁵³. Как бы ни решался вопрос о времени основания монастыря – независимо от того, был ли он учрежден в XI в. Ярославом Мудрым или же возник в 1119 г. одновременно с закладкой каменного собора⁵⁴, посвящение монастырского собора св. Георгию, безусловно, заключало в себе патрональный момент и в этом смысле было формой увековечения памяти Ярослава (в крещении Георгия). Сохранившаяся до наших дней храмовая икона (собрание Третьяковской галереи, № 28711), на которой св. Георгий изображен в рост, с копьём и мечом, должна была восприниматься и как репрезентация княжеской власти, вызывая в памяти цитируемые в Паремийных чтениях слова Апостола: «Не туне бо носить мечь, въ мьсть злодѣемъ, въ хвалу же добродѣемъ». (Ср. другой аналогичный образ – св. Димитрия Солунского из собрания ГТГ (№ 28600), в котором исследователи единодушно признают патрональную икону Всеволода (Дмитрия) Большое Гнездо.)

Таким образом, если верны наши расчеты, в 1119 г., в столетнюю годовщину победы, одержанной Ярославом на Альте над убийцей Бориса и Глеба, на юге Руси и в Новгороде закладываются храмы,

⁵² Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 32.

⁵³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Л., 1950. С. 21.

⁵⁴ Ср. разные точки зрения по этому вопросу: Щанов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 147.

посвященные самим мученикам, с одной стороны, и небесному патрону отомстившего за их смерть брата – с другой.

Предположение о «юбилейном» характере строительных акций 1119 г. не исключает, а скорее даже предполагает наличие у них и других, исторически более осязаемых импульсов. Одним из таких импульсов, на наш взгляд, могло стать событие, имевшее место в 1118 г. и отраженное Новгородской 1-й летописью:

Въ лѣто 6626. Прѣставися Дѣмитръ Завидиць, посадникъ новгородьскыи, иуля въ 9, посадницявъ 7 мѣсяць одну. Томъ же лѣтѣ приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры новгородьскыя Киеву, и заводи я къ чьстному хресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся⁵⁵.

Акция Владимира Мономаха по приведению к присяге в Киеве «всего» новгородского боярства была, как видно из контекста, вызвана предшествовавшими ей беспорядками, в ходе которых были разграблены дворы неких Даньслава и Ноздрьцы. Последний уверенно отождествляется с основателем церкви св. Дмитрия на Даньславле улице, упоминаемой летописью как «Ноздрьцина»⁵⁶. Патрональное посвящение церкви позволяет считать, что ее ктитора звали Дмитрием, и, с известной вероятностью, отождествлять его с посадником Дмитрием Завидичем. Можно думать, что смерть Дмитра Завидича, семья которого было тесно связана с княжеским домом⁵⁷, явилась следствием тех самых грабежей, зачинщики которых навлекли на себя гнев Мономаха⁵⁸.

Угадываемые за скупым летописным сообщением обстоятельства, в которых власть Мономашичей в Новгороде подверглась серьезному испытанию, не могли не вызывать в памяти событий 1016 г. Тогда новгородцы, поддержав Ярослава в борьбе против Святополка, привели его в Киев, возведя на отцовский стол. Теперь сам киевский

⁵⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 21.

⁵⁶ Янин В.Л. Предисловие // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 43.

⁵⁷ Отца Дмитра Завидича, Завида, В.Л. Янин отождествляет с известным по печатям «пропопраедром Евстафием», а дочь его в 1122 г. взял в жены овдовевший Мстислав Владимирович (Там же. С. 85–87).

⁵⁸ См.: Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. С. 43–44.

князь приводил к присяге новгородцев, в буквальном смысле приведя их для этого в Киев. При общем несходстве двух ситуаций их объединяет ряд общих черт. В обоих случаях имели место: а) возмущение горожан, направленное против связанных с князем кругов; б) гнев князя и расправа с зачинщиками беспорядков; в) массовое изъявление лояльности князю; г) массовый приход новгородцев в Киев и д) последующее возвращение их домой по приказу киевского князя.

Различия, конечно, преобладают. В ситуации 1118 г. отсутствует аналог противостояния Ярослава и Святополка, а следовательно, и острая зависимость князя от новгородцев. Как известно, в 1016 г. Ярослав по существу купил поддержку новгородцев, пообещав щедро заплатить им после победы над Святополком. Следствием этой победы было получение Новгородом от Ярослава его первой «конституции» – Древнейшей Правды. Для политического самосознания Новгорода события 1016 г. имели основополагающее значение, воплощая в себе идеальную модель отношений с княжеской властью – отношений равноправных, основанных не на безусловном подчинении, а на взаимной заинтересованности и выгоде. С точки зрения Киева эта модель должна была представляться далеко не идеальной и нуждалась в корректировке. Таковой, вероятно, и призван был стать акт присяги, вытребованный Мономахом у новгородского боярства в 1118 г.

Расстановка акцентов, вносимых Паремийными чтениями в трактовку первого эпизода по сравнению с ПВЛ и особенно НПЛ (Сводом Мстислава 1115 г.), может рассматриваться как отражающая позицию Мономаха в отношении Новгорода. Паремия не упоминает ни о восстании новгородцев против варягов Ярослава, ни о вероломстве Ярослава (сказано лишь, что он был «рагозен с новгородци»), а решение новгородцев поддержать Ярослава трактуется не как проявление великодушия, а как благоразумное следование апостольской заповеди, требующей от подданных абсолютного подчинения князю как «слуге Божьему». Уподобление Ярослава и новгородцев Аврааму и его слугам характеризует, может быть, не столько Ярослава, сколько новгородцев, представляя их не нанятыми за вознаграждение воинами, но сплоченными вокруг своего князя мстителями за кровь Бориса и Глеба.

Н.Н. Невзорова пронизательно отметила значение того обстоятельства, что включенный во вторую из летописных паремий фрагмент книги Бытия (14: 14–16), рассказывающий об освобождении Лота Авраамом, является началом канонической паремии в Неделю святых отцов Никейского собора (7-я неделя по Пасхе). Как известно, литургическое применение данного фрагмента основывается на совпадении числа слуг Авраама с числом никейских отцов, которых, согласно преданию, было также 318. «Понятие “Новый Авраам”, – пи-

шет Н.Н. Невзорова, – по отношению к Ярославу толкуется не только параллелью с ветхозаветным Авраамом, но и указанием на память никейских отцов, которое, в свою очередь, связано с упомянутым деянием Авраама и апостольскими цитатами о значении княжеской власти»⁵⁹.

В связи с этим обратим внимание на следующий факт. В Новгороде, на княжеском дворе издавна существовала церковь Святых 318 отцов Никейского собора⁶⁰. Посвящение этого храма, построенного, по-видимому, не позже начала 1130-х годов, уникально для домонгольской Руси. Думаем, что основанием для такого посвящения как раз и могла стать ассоциированность в Новгороде памяти никейских отцов с памятью о событиях 1015 г., возникшая благодаря проведенной в Паремийных чтениях библейской параллели.

Итак, ситуация 1118–1119 гг. представляется нам тем историческим контекстом, в котором могли быть созданы Паремийные чтения о Борисе и Глебе. Приближавшаяся столетняя годовщина Альтской битвы подогревала интерес как к самому этому событию, так и к памяти Ярослава, утверждение которого на киевском столе в 1019 г. подвело черту под усобицей сыновей Владимира Святославича. В то же время очередной виток взаимоотношений между центральной киевской властью и боярской элитой Новгорода, зафиксированный актом крестоцелования 1118 г., актуализировал память о новгородских событиях 1015 г. Выбор летописных эпизодов, использованных составителем Паремийных чтений в качестве их нарративной канвы, получает таким образом непротиворечивое объяснение.

Как исторически актуальное прочитывается в ситуации 1118–1119 гг. и обличение «мужа-грехолюбца», составляющее основное содержание первой паремии и получающее дальнейшее развитие в третьей. Характерно, что первое чтение, составленное преимущественно на основе книги Притч, хотя и содержит отсылки к русской действительности, не упоминает ни имени Святополка, ни убийства им братьев как совершившегося факта: предметом обличения выступают здесь греховные замыслы и ненависть к братии. Не объясняется

⁵⁹ *Невзорова Н.Н.* Указ соч. С. 106.

⁶⁰ Дата основания церкви неизвестна. В 1180 г. она сгорела, а на следующий год была отстроена заново (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 37). Поскольку начиная с 30-х годов XII в. строительство не только каменных, но и деревянных церквей достаточно полно фиксируется Новгородской летописью, можно полагать, что церковь была построена до этого времени.

ли это «прикровенное» (по характеристике Н.Н. Невзоровой⁶¹) обличение Святополка наличием у него еще и дополнительного адресата в современной действительности? Кандидат на эту роль не вызывает в таком случае сомнений – это может быть только Ярослав Святополчич, главный враг Владимира Мономаха в годы его киевского княжения.

Представитель старшей ветви Ярославичей, не случайно названный в честь прадеда, Ярослав Святополчич имел основания претендовать на киевский стол и потому представлял для Мономаха постоянно действовавшую угрозу. В интересующий нас момент борьба Владимира с Ярославом Святополчичем достигла своей кульминации. В 1117 г. Мономах во главе княжеской коалиции осадил Ярослава во Владимире Волынском, силой добившись от него признания своего сюзеренитета. Причину выступления против двоюродного племянника киевский князь выразительно сформулировал в «Поучении», где о походе 1117 г. (которым заканчивается «Летопись путей») сказано: «И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця, *не терпяче злобъ его*»⁶². Замирение оказалось недолгим: уже на следующий год Мономах, спровоцированный недружественными действиями владимирского князя, организовал против Ярослава Святополчича новый поход, от которого тот бежал в Венгрию (по Ипатьевской летописи; согласно Лаврентьевской – в Польшу)⁶³. Спустя пять лет, в 1123 г., Ярослав вернулся на Волынь во главе объединенного польско-чешско-венгерского войска, но погиб во время осады Владимира. Летописный рассказ об этом событии всячески подчеркивает «великую гордость» Ярослава, противопоставляя ей смирение Владимира и его детей. Заключительные слова: «Гордымъ Г(оспод)ь Б(ог)ъ противится силою своею, а смиренымъ же дасть бл(а)г(о)д(а)ть»⁶⁴ – представляют собой парафраз новозаветного стиха

⁶¹ Невзорова Н.Н. Указ. соч. С. 434.

⁶² Лаврентьевская летопись. С. 250.

⁶³ Особо отметим, что, по свидетельству «Анналов» Яна Длугоша, гнев Мономаха на Ярослава Святополчича был вызван сведениями о будто бы замышлявшемся покушении на жизнь киевского князя. См.: Щавельева Н.Я. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С. 148; Стефанович П.С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 170–172.

⁶⁴ Цитата имеется и в «летописных» паремиях, однако фрагмент второго чтения, в который она входит, представлен не во всех списках («Глаголаста бо ему Борисъ и Глѣбъ: «Вѣ ся, брате, не противѣвъ, ни въпреки глаголевъ, писано бо естъ: Господь гордымъ противится, смѣреннымъ же дасть благодать»). Н.Н. Невзорова, отмечая странность положения этой речи в тексте (она явля-

(Иак. 4: 6), неоднократно цитируемого в произведениях борисоглебского цикла; этим стихом открывается, в частности, вторая из канонических («библейских») паремий Борису и Глебу⁶⁵.

В 1119 г. бежавший в Венгрию или Польшу Ярослав Святополчич был по-прежнему опасен как для Мономаха, так и особенно для его младшего сына Андрея, княжившего во Владимире Волынском. Исполненный «злобы» и «гордости» безумец, замышляющий против своей братии (каким рисуют Ярослава летопись и «Поучение»), должен был в глазах Мономаха и его окружения ассоциироваться со Святополком Окаянным, а отчество *Святополчич* не могло не поддерживать эту ассоциацию⁶⁶. И если Паремийные чтения действительно были созданы около этого времени в кругах, близких Мономаху, их обличения вполне могли восприниматься современниками как имеющие отчасти конкретно-адресную направленность.

Итак, помещая Паремийные чтения в контекст русской действительности конца 1110-х годов, мы признаем присутствие в этом памятнике по крайней мере двух идеологических «посланий», адресованных, с одной стороны, новгородской знати, приведенной Мономахом к присяге в 1118 г., а с другой – Ярославу Святополчичу, в том же 1118 г. изгнанному им из Руси. Отражением этой злобы дня и нужно, на наш взгляд, объяснять то парадоксальное обстоятельство, что в богослужебном чтении на память князей-страстотерпцев их подвиг оказался, по существу, заслонен противостоянием Ярослава и Святополка.

Не являясь шедевром древнерусской словесности, Паремийные чтения представляют собой вместе с тем глубоко индивидуальное

ется прямым продолжением молитвы Ярослава), считает ее позднейшей вставкой, сделанной на основе «Сказания о Борисе и Глебе». Происхождение фрагмента из «Сказания» кажется, действительно, весьма вероятным, но это само по себе не заставляет предполагать вставку – такая необходимость возникает лишь при датировке Паремийных чтений 1030-ми годами, на которой настаивает Н.Н. Невзорова. Отнеся создание памятника к концу 1110-х годов, мы можем вслед за Н.И. Милютенко признать данный пассаж первоначальным. Что же касается «странности» соединения фрагментов, то она лишний раз характеризует степень риторической неискусственности составителя паремий.

⁶⁵ См.: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 119.

⁶⁶ Сочетание этого отчества с именем Ярослав создавало к тому же своего рода антропонимический оксюморон, объединяя в именовании одного лица имена главных антагонистов событий 1015–1119 гг.

литературное и культурное явление. Оригинальность этого памятника во многом есть следствие «нерегулярности», демонстрируемой им на разных уровнях: в неожиданном подборе нарративных фрагментов, произвольном обращении с библейскими источниками, композиционных сбоях и противоречиях, наконец, в беспрецедентном включении текста в корпус библейских книг, сопровождаемом маскирующими его неканоничность квазибиблейскими заголовками. Инициатива этой акции, не вызванной никакой уставной необходимостью, могла, как представляется, принадлежать только светской, княжеской власти. Со стороны Владимира Мономаха такая инициатива выглядит более чем естественной – достаточно вспомнить, что в «Поучении» он особо подчеркивал свое личное участие во внутрицерковных делах («и наряда церковного и службы самъ есмь призираль»). Как одно из проявлений этого «призрения» и следует, на наш взгляд, рассматривать «летописные» Паремийные чтения о Борисе и Глебе.